

ПЕРСОНА

Со своей дочкой Керли Вески видится теперь только в Москве.

Анне ВЕСКИ: "Анекдоты про эстонцев тупые и неправильные"

— Бр-р-р, как же у вас холодно. Я надела на себя все... Что бы ни говорила, слушать — одно удовольствие. Ее чарующий прибалтийский акцент когда-то сразил наповал всю Западную Европу. Ни один мало-мальски значимый концерт не обходился без ее участия, песни яркой блондинки занимали верхние строчки союзных хит-парадов...

И что теперь? Две кофты, шерстяное кепи, чашка горячего кофе... Эта забавная эстонская женщина сидит в маленьком кафе и трясется от холода. Нет, Анне Вески и сейчас в полном шоколаде. У нее дом на берегу моря, собственная студия звукозаписи. Для Эстонии она сродни Пугачевой — живая легенда. А в России... В России Вески зарабатывает. Холода — не беда, лишь бы ностальгия из моды подольше не выходила.

ВЕСКИ

АРГУМЕНТЫ

маю, в деревнях есть более заторможенные. Помню, когда я была на самом краю Финляндии, там действительно встречала людей, которые, между собой говоря, выдерживали такие паузы, что я уж думала: когда же он наконец ответит?! Но это был крайний север Финляндии, а в Эстонии такого нет.

— Значит, все вдруг?

— Просто не знают, преувеличивают.

— А в Эстонии про русских есть анекдоты? Про то, что русский дурак, а эстонец...

— Нет, такого нет. Обычно бывает: эстонец и финн. Что те какие-то заторможенные, а мы, наоборот, — очень темпераментные.

■ ■ ■

— Еще в тему, уже касаемо вас. В вашей победе на фестивале в Сопоте, конечно, никто не сомневается. Но скажите, ведь вас отправили туда именно потому, что вы эстонка?

— Потому что это было время "Солидарности", военного положения? Знаете, я тоже так думала.

"Быть моим мужем — то еще испытание". Анне и Бенно.

Пошла в Министерство культуры, спросила: почему я? Они сказали: а кого же послать? Взяли со стола последние журналы, где были разные хит-парады: "Видишь, — говорят, — Пугачева, Ротару, Вески. Дальше: Пугачева, Вески, Ротару... Эти уже были, тебя не было". И все, больше никаких хит-парадов нет. Конечно, тогда в Польше никто русских не ждал и сильно не любил. Но и меня, эстонку, в том же Сопоте очень мило освистали. Тогда, стоя на сцене, я ничего не слышала — нервничала сильно, думала только о том, как бы спеть, чтобы самой стыдно не было. Спела, выиграла — мне казалось: все о'кей. А на следующий год, когда я была гостем фестиваля, мой знакомый из Ростова, он работал на гдзэровском телевидении, сказал: "Хочешь, я покажу тебе съемку из зала?" И там действительно: когда объявили "Советский Союз", свистели очень сильно, и слава богу, что я этого не слышала. Но то и была победа, что после третьей песни, польской, ни одного свиста уже не было — только аплодисменты.

— О еще более экстремальной поездке. Правда, что в Афганистане вы выступали для душманов?

— Не совсем так. Просто когда мы работали в Афганистане, однажды я сказала: хочу увидеть живых душманов. Мы ведь жили в военной части, а местных жителей ни одного человека не видели. Мне сказали: "Хочешь? Мы тебе устроим". Это был большой риск. И больше всего для того полковника, который за нас отвечал. Утром в девять меня будят: "Мы привели тебе душманов". И действительно: их стояло... человек десять. До зубов все вооруженные, в дражных халатах — мне казалось, будто я попала в какой-то исторический фильм. Вышла, а так как женщина для них — ноль, наши сказали, что я — руководитель культурной делегации,

которая приехала из Советского Союза налаживать афгано-советскую дружбу. За руку с их главарем поздоровалась, говорю какие-то вежливости, он чего-то мне отвечает. Оказалось, у них сегодня праздник козлодранья и нас туда приглашают. А наши что сказать могут? Мы ведь не только там воюем, еще и культуру развиваем, и дружбу. Полковник меня спрашивает: "Ты поедешь?" — "Ну поедем". И все — надо было вечером ехать в село. На меня надели этот пятнистый костюм: камуфляж, кепку, очки большие...

— Чтобы скрыть все женские прелести?

— Ну да, в празднике же участвуют только мужчины. Через какое-то время за нами пришел ихний "газик", с ихним главарем и ихними охранниками. Нам дали по пистолету на всякий случай. Их машина ехала впереди, проверяла, чтобы не было мин, мы впритык к ней. Так и приехали прямо в село. Афганцы там катались на лошадях, какую-то душу козла таскали — игра у них такая. А перед нами положили ковер: фрукты, виноград — все выставили. Мы сидим, ничего не трогаем, друг другу на ухо: "Это отравлено, это отравлено". Потом пришел опять ихний вождь, с каждого стола сам все попробовал: мол, есть можно. Конечно, наши мальчики весь этот натюрморт уничтожили. А у полковника, вдруг я вижу, прямо градом пот пошел...

— Пища, что ли, острая?

— Не-е-ет. Он мне говорит: "Смотри наверх". Я подняла голову — над нами кружили советские вертолеты. А на вражеской территории, если замечают скопление людей, они могут сразу бомбить — не знают же, что мы здесь. Все, говорим, "спасибо", быстро собираемся, в машину — и домой. А ночью на это село напали настоящие душманы — за то, что они дружили с русскими.

— И часто вы так рискуете в жизни?

— Это первый и последний раз. На самом деле я двумя ногами нахожусь на земле. Я очень реальный человек.

■ ■ ■

— Светлые волосы, западный акцент, какают не советская улыбка. Наверняка слышали массу признаний в любви от русских мужчин. Или они вас побаивались?

— Нет, никто меня не боялся. А насчет признаний в любви — я же ездила постоянно вместе с мужем. Письма, конечно, были. Самые разные...

— Вы читали, смеялись и выбрасывали их? Или кому-то все же отвечали?

— Нет, изначально я была хорошей, доброй. Если письмо было нормальное, тогда мы высылали карточки с автографами. А потом этих писем стало так много — просто рука устала. Очень часто писали из тюрем, с зоны. Сначала я, как добрый человек, отвечала, думала: ну как, я помогаю. А потом каждый третий начал писать: я завтра выйду, жди. Тогда поняла, что с этим делом очень опасно шутить. А потом уже были люди, которые приехали...

— Ну-ка расскажите.

— Стук в дверь, открываю — там мужик. "Вы к кому?" — спрашиваю. "К тебе". Я знаю, что муж в другой комнате, говорю: "Извините, я вас не знаю" — и хотела уже закрыть дверь. Нет, он поставил ногу, зашел в коридор. "Ты же, — говорит, — два дня назад выступала в Свердловске?" — "Выступала". — "А я же там был". А там было 7 тысяч народа. "Я же тебе письмо на сцену передал. Обещал же, что приеду". И этим еще не закончилось...

— Пришлось звать на помощь мужа?

— Ну, муж ему вежливо так сказал, что очень приятно, конечно, но та-та-та. Тот ушел. На следующий день иду по улице, меня догоняет соседка: "А ваш друг вас застал?" "Какой друг?" — говорю. Оказалось, этот мужик сразу после концерта сел в поезд и приехал в Таллин раньше меня. Зашел к этой соседке, сказал ей, что он мой хороший друг: мол, просто Вески еще не успела приехать и ему негде ее подождать. А эта женщина, добрая, пустила его, он жил у нее два дня. Она еще

После фестиваля в Сопоте эстонская певица стала суперзвездой.

была такая радостная: как же, Анне Вески помогла. Говорю ей: "Спасибо большое, — не хотела ее расстраивать, что черт-те кого она приютила, — но в другой раз лучше пусть останавливается в гостинице".

— Писали и про ваших не менее горячих поклонниц...

— Да, была и поклонница. Как-то с мужем поднимаемся по лестнице к своей квартире, а там девушка с огромным чемоданом стоит и стучит к нам в дверь. Спрашиваю: "Вы к кому?" — "К вам. Я же писала, что хочу поступать в музыкальное училище в Таллине. Вот я и приехала". (Смеется.)

— Да я не про таких поклонниц. Знаете, одно время муссировались слухи о вашей якобы нетрадиционной ориентации.

— Ой, это чушь придумали. Даже не знаю, что на это ответить...

— Писали, что в Москве вы всегда останавливаетесь у одной и той же своей подруги, и, дескать...

— Сейчас я живу у дочки, она работает в Москве. А раньше действительно много лет останавливалась у подруги. Мы с ней и ее мужем семейно дружили. А когда муж убили и она осталась в этой огромной квартире одна, то сама попросила: если ты в Москве, живи со мной, мне страшно одной.

— Она эстонка?

— Нет, она русская, из Молдавии. И я не знаю, откуда взяла такую версию. Мы с ней дружим, но это ничего не означает.

— В Эстонии слухов про вас не распускают?

— Нет, в принципе очень доброжелательно относятся. Я не такой конфликтный человек, который лезет сам на какие-то скандалы. Натура не такая.

— Ваша дочь чем в Москве занимается?

— Она работает консулом в эстонском посольстве.

ве. Здесь на три года: полтора уже прошло, потом пошлют в другую страну. Керли молодец. У нее был выбор, в какую страну поехать, так она сказала: "Если я в Москве выдержу, значит, мне нигде не будет страшно". Потому что больше работы, чем в Москве, не бывает. Я думаю, где-нибудь в Лиссабоне гораздо меньше эстонцев, чем здесь.

— Но пока дочка здесь. Работаете вы тоже здесь. Так, может, пора стать нашей соотечественницей?

— Знаете, мне нравится как раз роль эстонской героини, которая приезжает в гости и уезжает. Я никогда не думала переехать в Москву, никогда. Все-таки жить мне больше нравится в Эстонии.

■ ■ ■

— Когда рассказываете о своем муже, у вас все время проскальзывает: Бенно готовит, Бенно убирает, Бенно стирает. Думаешь, кто же в этой семье глава?

— Глава Бенно.

— Вы же деньги зарабатываете, а он на хозяйстве.

— Но если я уезжаю, кто-то ведь должен и дома работу делать. Работу, имею в виду, концертную. Бенно же 12 лет был директором в нашем коллективе, и бизнес у нас один.

— И этот бизнес называется "Анне Вески"?

— Ну да, обложка — это Анне Вески. А все, что внутри...

— Если женщина посвящает жизнь талантливому мужчине, это понятно. А у вас все наоборот.

— Это неправильно. Если есть семья и если там два твердых камня и оба тянут на свою сторону, чтобы быть вместе, кто-то должен уступать. И я думаю, муж Ротару тоже посвятил жизнь своей жене. И это правильно, ничего плохого в этом не вижу. На Западе уже, если жена больше зарабатывает, на академический отпуск с ребенком может выйти и мужчина. Если для семьи это выгодно...

— А помните фильм "Москва слезам не верит"? "Если жена зарабатывает больше мужа, это уже не семья".

— Это комплекс мужчин. Я не виновата, что у мужиков могут быть такие комплексы. Бенно реализовал себя. И реализовал себя во мне. Он заставлял меня говорить по-русски, сам он идеально владеет и русским, и эстонским языками. Если бы он меня не контролировал, может, из меня ничего бы и не получилось. Без него я никогда бы не начала ездить в Россию. Бенно же мой второй муж. С первым я жила только три года, и мы разошлись именно на этой почве. То есть я начала потихонечку ездить, а он оставался дома. И не все мужья это выдержат. Если бы Бенно работал в Эстонии, а я месяцами находилась в России, это значит опять разводиться? Я этого не хотела. Тогда он решил: давай поедем вместе.

— Тяжело быть вашим мужем?

— Я думаю, не каждый мужчина это выдержит. Поэтому, так скажем, низкий поклон ему.

— Ваша студия — это тоже маленький бизнес? Записываются на ней Як Йоала, Тынис Мяги?

— Нет, только я. А Як Йоала уже лет десять вообще не поет.

— Чем же он занимается?

— Вот спросите у него — никто не знает, он никому не говорит. Он появляется время от времени на каких-то тусовках, дает какие-то советы молодым артистам. Вроде теперь какую-то передачу ведет. А чем все эти годы он занимался, никто не знает. Как будто у него какие-то акции в каком-то баре или ресторане, я не знаю.

— А Тынис Мяги?

— А Тынис молодец. Он дает и сольные концерты, и в театре работает. Он всегда говорил, что хочет быть актером. Теперь у него есть роли, может быть, не самые важные, но он играет иногда. А потом, он сам пишет музыку для спектаклей, для мюзиклов. Он молодец. Когда ему стукнуло 50, он взял третью или четвертую, уже не помню, жену. Жене было 27 лет, теперь ей уже 30, у них двое маленьких детей. А он пашет — молодец.

— Анне Вески и Тынис Мяги по-прежнему самые популярные артисты в Эстонии или для молодежи ваши имена — пустой звук?

— Мы, можно сказать, самые уважаемые. У молодежи есть свои кумиры, но про нас тоже никто не забывает. Взять, к примеру, Россию, Украину. Пугачева и Ротару как были, так они и есть. У нас так же — Вески есть, куда же без нее.

— Кажется, в 50 лет вы собирались уходить со сцены.

— В первый раз об этом я задумалась, когда мне было 28. Помню, мужу тогда сказала: "Ой, в 35 лет уже такие старухи". Как проскочила 35, даже не заметила. А недавно сходила на концерт Тынис Тернер. Ей 60 — а она на таких каблучках бежит. Думаю: мамочка, сколько же мне придется еще работать!

Дмитрий МЕЛЬМАН.
Фото предоставлены
пресс-службой Анне Вески.